

Русские народные сказки (Сказки, изъятые цензурой). А. Н. Афанасьев. Риза на иконе

Жил в одном городе богатый человек, ездил в Нижний на ярмарку за разными товарами. Однажды случилось ему плыть с товаром по Волге. Плывёт день и два – хорошо, а на третий поднялась сильная буря и потопила у него судно с людьми и с товарами, – только сам кое-как мог спастись на одной дощечке. Приплескало его к берегу, он очуствовался, вышел на́ берег и пошёл домой пешком.

Приходит домой, рассказывает жене о своей беде. Жена плачет не столько о муже, сколько о богатстве. Вот этот бедняк не знает, как и пропитанье себе найти. Потому что жил он прежде богато, привык к роскоши, работать ему совсем не под силу. Стал он ходить в церкву, стал просить помочи у иконы божьей матери. Просит раз, другой и третий – икона всё не дает помочи. Он осердился и говорит: «А когда так!..» И вздумалось ему: «Дай-ка я сниму с неё серебряную ризу^[1]». Улучил время, когда в

церкви никого не было, и снял с образа ризу, смял её в комок и продал серебряннику. На те деньги опять стал торговать, и расторговался в пять лет так, что лучше прежнего стал жить. Как-то и вспомнил: «Что ж я – снял с божьей матери ризу, а новую-то не сделал!»

Заказал серебряннику ризу на образ и дал ему мерку. Серебрянник скоро её изготовил, принёс, отдаёт купцу. Тот взял ризу, пошёл в церкву, и никто не заметил, как он одел её на икону. А риза-то оказалась гораздо лучше прежней. Собираются прихожане в церкву, видят: риза не та. Сказали священнику, и тот удивляется: – «Как же это могло случиться?» А во всё время, когда икона стояла без ризы, никто того не видел; всем казалось, что она стоит в окладе; иные даже к ней прикладывались и ничего не замечали. Только тогда всё и открылось, как появилась на иконе новая риза и как сам купец покаялся перед священником.

[1] – Риза – религ. металлическая обшивка, оклад на иконе.

(Голосов: 4. Рейтинг: 4,75 из 5)

Загрузка...

**Русские народные сказки
(Сказки, изъятые цензурой).
А. Н. Афанасьев. Христов**

крестник

В старое время было так: жил-был бедный крестьянин, и у того у крестьянина было немалое семейство – ровно шесть сыновей. Родился у него ещё седьмой сын. Надо было младенца крестить. Жена и посылает своего мужа искать крёстного. Мужик на первый же день обошёл всех богатых поселян, только никого не мог найти, кто захотел бы принять младенца. Все отказались, потому что к бедному не так-то охотно идти. На другой день жена опять посылает своего мужа искать кума. Тот опять никого не сыскал, идёт да сам плачет. Вдруг попадаетеся ему навстречу незнакомый человек, и тот человек был сам господь. Спрашивает он мужика:

– О чём плачешь, старичок?

Тот отвечает:

– Да вот родился у меня сын. Надобно его окрестить, да никто не идёт ко мне в крёстные, потому что беден.

– Не тужи, я твой кум. Пускай несут младенца в церкву. Я сейчас там буду.

Мужик обрадовался, что нашёл кума. Воротился домой и посылает бабушку с младенцем в церкву. Бабушка взяла ребёнка и пошла.

Приходит в церкву, а муж уже там. Вот как окрестили младенца, стала бабушка звать к себе кума хлеба-соли откусать. Кум отказался:

– Мне, – говорит, некогда!

□Прошло немало времени – эдак лет шесть, или семь. Мальчик порядочный вырос. Настаёт пасха Христова. Соседние ребята бегают по улице и говорят:

– Завтра мы пойдём к своим крёстным христосоваться, они нам по яичку дадут.

Тот мальчик с ними же бегал. Услыхал такие слова, прибежал домой и давай спрашивать у матери:

– Кто у меня крестный?

Мать и говорит:

– Спрашивай у отца! Он, бестолковый, кого-то созвал и нам не показал, что за человек такой был.

– Ну да молчи, мама! Я завтра пойду в церкву и стану высматривать крёстного. Может и найду.

□Приходит к заутрене. Становится прямо против образа Спасителя и усердно молится, чтобы показал ему бог крёстного. По отходе утрени все вышли из церкви, а он остался и видит: выходит в царские врата неведомый человек, манит его к себе и даёт два яичка. Одно велит отнести отцу, другое матери.

– А сам, – говорит, – опять приходи в церкву. Тогда я тебе ещё яичко дам.

Мальчик с радостью побежал домой. Прибегает, отдаёт отцу-матери по яичку и говорит:

– Мне тятенька крёстный дал, велел вам отдать, а мне наказал ещё прийти.

□ Приходит к обедне и опять становится на то же место. По окончании службы невидимой силой подняло его до третьего неба. Сперва несли его двухкрылые ангелы, а потом шестикрылые серафимы подняли его до шестого неба, в предивную палату, где он узрел лик ангелов, праведников и пророков. Господь посадил его на престол, вручил скипетр и державу и оставил вместо себя. Тогда он увидел всю подвселенную. Сидит и смотрит: вон плывёт корабль, а на тот корабль наступают разбойники. Он и подумал: «Лучше б тому кораблю потонуть, нежели быть разграблену!» Корабль тотчас и потонул со всеми людьми и товарами. Потом увидел он, что в такой великий праздник не хотела жена с своим бедным мужем обед разделить, а ушла в чужие люди и стала с чужим мужиком пировать и любодейничать. Мальчик подумал: «Лучше бы тому дому сквозь землю провалиться, нежели такое распутство зреть!» – И дом провалился сквозь землю. В третий раз видит он, как разбойники под монастырь подкапываются, и опять подумал: «Как же у этих разбойников руки поднимаются на божие храмы? Лучше бы тому монастырю опрокинуться да задавить их!» Монастырь сейчас опрокинулся и задавил разбойников.

□ Господь, видя такое нетерпение, удалил его с престола, дал ему яичко и велел ангелу отнести его на землю. Ангел понёс его к отцу и на пути сказал ему:

– Как будешь ты дома, то разговейся этим яичком и удались в пустыню. Там тебе будет спокойнее.

Он так и сделал – разговелся и удалился в пустыню. Пробыл в ней двенадцать лет, потом преставился. Тело его было похоронено ангелом в той самой церкви, где это чудо совершилось.

(Голосов: **4**. Рейтинг: **4,75** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки (Сказки, изъятые цензурой). А. Н. Афанасьев. 0 хитрости царя Соломона

До рождества Христова все умершие – грешные и праведные сидели в аду. И Анна-пророчица была тут же и всё пророчила, что родится Иисус Христос и выведет всех праведных из аду. А праведные давно ждут и дождаться не могут избавления и говорят:

– Вот ты, Анна, пророчишь, пророчишь, а всё ничто не сбывается, только нас морочишь!

Анна их уверила, что вправду всё то сбудется, что она пророчила.

□Вот и родился Иисус Христос и начал с апостолами ходить по земле; зашёл и в ад. Ад затрещал, Сатанаил закричал:

– Аде, крепися!

Нет, ад всё трещит. Господь повёл из аду всех с собою, а царя Соломона оставил. Соломон и говорит:

– Что же ты, господи, всех выводишь из аду, а меня одного покидаешь?

Господь сказал:

– Ты сам хитёр-мудёр, дак выходи на свои мудрости!

□ Вот Соломон остался в аду и начал размеривать ад да приговаривать:

– Вот тут будет церква, тут престол, а тут часовня.

Сатанаил его остановил:

– Соломон, что ты делаешь?

А он отвечает:

– Да вот хочу здесь церкву строить, а вот тут часовню.

– Что ты, царь Соломон! У меня и прежде тесно было. Я рад, что избавился назойливых жильцов, а ты опять меня теснишь.

– Ну, Сатанаил, вот тебе три аршина в уголку – будет с тебя и этого места!

□ Сатанаил рассердился и вытурил (выгнал) царя Соломона из аду вон. Соломон и пошёл к царству небесному. Стучится у ворот и спрашивает:

– Братие! Скажите, пожалуйста, которое житие лучше – старое ли в аду или новое в царстве небесном?

– Нет, – говорят, – новое в царстве небесном лучше.

– Покажите-ка мне ваше житьё хоть немножко! Я бы посмотрел на вас.

Отворили ему дверь немножко, чтобы можно было заглянуть.

□Он смотрел, смотрел и засунул ногу. Стали рай затворять и прижали ему ногу-то. Он и закричал:

– Ногу прижали! Ногу прижали!

Вот как отворили шире, Соломон и проскочил в царство небесное – да в уголок. Тут и остался, а не на пёреде, где заняли место первые.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘ (Голосов: 4. Рейтинг: 4,75 из 5)

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о богатыре Голе Воянском

Мужичок-простачок пахал пашню; лошадёнка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трёх слепней, а комаров без счёта. Простачок-

мужичок думать стал. «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трёх молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет!» Голем мужичок назывался; смотришь – и Голь взвеличался, выпряг свою лошаде́нку, взобрался на неё полегоньку, сел верхом, выехал на большую дорогу, срубил дерево стояростовое и поставил столб с надписью: «Здесь проехал богатырь Голь Воянской, встретился с силой бусурманской, тридцать трёх богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй».

□Голь взобрался на клячу и в путь поплёлся наудачу. Немного спустя едет мимо столба Чурила Пленкович, надпись прочитал – удивился, Голя нагнать торопился; такого имени и не слыхивал, а видно, могуч богатырь, так надобно с ним подружиться. Чурила скачет во весь опор, нагоняет Голя и спрашивает:

– Не проезжал ли богатырь Голь Воянской?

– Я, – сказал Голь, – а ты кто?

– Чурила Пленкович, – отвечал молодой богатырь, поклонясь, а сам думает: «Что за чудеса? Мужичонка невидный, и ехать с ним стыдно; сам он шарашится, а кляча чуть тащится.

– Ступай в науку, поезжай по левую руку! – сказал Голь, и Чурила в раздумье поехал возле него, на Воянского богатыря поглядывая и на клячу поглядывая.

Между тем едет Еруслан Лазаревич мимо столба с надписью, прочитал и ну гнать коня за Голем Воянским. Догнал и, увидя знакомого Чурилу, спросил, не видал ли он Голя? Чурила указал на товарища. Еруслан Лазаревич поклонился, а сам удивился.

– Погоняй в ряду по правую руку! – сказал ему Голь.

На ту пору нагоняет их ещё богатырь, Бова королевин сын; надпись на столбе прочитал и коня погонял отыскивать Голя Воянского, победителя бусурманского; видит мужичка на

клячонке, тащится потихоньку, а по сторонам его едут два славные богатыря Еруслан Лазаревич и Чурила Пленкович, говорят с ним почтительно, а тот отвечает: «Рад вам, товарищам!» Поклонился Бова королевин сын Голь да об имени спрашивал.

– Голь Воянской, сам себе большой, – отвечал простачок, – а ты кто?

– Я Бова королевин сын, – отвечал богатырь.

– Милости просим на подвиги, – сказал Голь, – ни поздно, ни рано; поезжай возле Еруслана!

□Едут богатыри, куда Голь едет, и подъехали к заповедным лугам царь-девицы богатырки.

– Тут заказан путь, – сказал Еруслан.

– Не беда! – молвил Голь. – Много Русь обижала, путь не нам заказала. Пускайте коней на луга!

– Голь Воянской! – сказал Еруслан. – У королевны сила великая: двадцать два богатыря да Зилант Змеуланович, Тугаринов брат.

– С меня мало, – сказал Голь, – будет ли на долю твою? Я всех как мух перебью.

– Ну, ин быть так! – сказал Еруслан. – Поедем в заповедные луга тешиться, силами богатырскими переведаваться.

Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят белый пустой шатёр, пустили коней на траву, а сами вошли в шатёр, сели да поглядывают; один Голь лёг отдыхать и, чтоб не было жарко, снял с себя кафтан, занавесил шатёр от солнышка, а сам захрапел.

– Голь надеется на себя! – сказал Бова королевин сын.

□Между тем во дворце королевны поднялась тревога; в колокола звонят, в трубы трубят, и выехала из города дружина воинов да три богатыря в латах. Чурила будит Голя:

– Вставай! Силы много на нас.

Голь встал и, спросонья зевая, сказал:

– Что это? Три богатыря – три слепня, а сила вся – комары: не дадут уснуть до поры. Ступай, Чурила, переведайся с ними, оставь одного и пошли к богатырке да вели ей сказать: за меня шла бы замуж!

Чурила поехал, долго бился-рубился и перерубил всех, одного послал к королевне. Но вместо ответа выслали из города шесть богатырей с тремя дружинами. Опять разбудили заснувшего Голя.

– Эге! – сказал Голь. – Что за сила? Одной рукой махнуть – пришибу! Королевин сын! Поди справься один, да оставь одного послать к королевне.

Сказав, пошёл спать. Посчастливилось королевину сыну высланных богатырей победить, одного за другим перебить, а дружины их разбежались. Но королевна высылает ещё более силы: двенадцать богатырей, с ними шесть дружин. Скачут, трубят и мечами машут.

– Ого, сколько высыпало! – сказал Голь, вставая. – Туча лихая! Двенадцать слепней, а комаров без счёта. Еруслан! Будет с тебя? А не то – мы пособим.

Еруслан сел на коня, пустился соколом, мечом-кладенцом наотмашь рубит – вправо и влево, богатырей разметал, дружины погнал.

□Королевна видит беду неминуемую, высылает Зиланта Змеулановича. Загремел Зилант, выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях. Несётся Зилант как стрела на орла, зовёт как трубой переведаваться в бой.

– Видно, мне очередь! – сказал Голь. «Нечего делать, – подумал он, – ехать на смерть; тут мне и конец, зато богатырская честь, а делу венец!» Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку, зажмурил глаза, а сам топором что есть силы

машет. Зилант заревел, увидя издалека Голя, и думает: не на смех ли послали? А Голь шепчет про себя: «Отцы и братия, поминай как звали!» – и, ожидая смерти, опустил голову на шею своей лошаденки, которая бежала на трёх ногах, а четвёртой прихрамывала. У Зиланта запрыгали глаза во лбу. «Нет ли тут умысла? – думал он. – Мужичонка прилёт к лошаде́нке, – что за богатырь? Пальцем щёлкнуть – на сажень отлетит». Зилант оглядывается, нет ли тут хитрости, и к седлу наклонился, а Голь приподнял голову и вдруг прибодрился, с топором наскочил да так оглушил, что Зилант на песок повалился. Тут Голь, не дав Зиланту опомниться, стал рубить его, как сосну в щепы, машет да рубит топором, сдёрнул шелом и поехал к товарищам.

□Тогда королевне забота, принуждена приказать отпереть городские ворота, просить богатырей на пир, заключить с ними мир. Увидела Голя, дивится, в ком богатырская сила, и сама подошла к нему, руку на плечо наложила и так придавила, что Голь едва повернулся, выбился из-под руки, отшатнулся, а королевна ему говорит:

– Рада я витязю славному, храбрость всегда почитала.

Тут она Голю руку пожала; Голь вспрыгнул, и зубы он стиснул, боясь их разжать, закричать.

– Защищай моё царство! – королевна сказала. – Тебе нас стеречь.

А Голь поклонился и думал, как бы голову свою уберечь. Королевна велела в беседу принести крепкого мёду, думала гостей испытать, но Голь не хотел пировать, за кубок не брался, а молвил:

– Кончив труды, ничего я не пью, кроме богатырской воды!

– У нас есть в запас вода богатырская, – сказала королевна.

– А много ль её? – спросил Голь.

– Бутыль полна, – отвечала королевна.

– Да такая ль она, как у нас? – спросил Голь. – Иная бутылка склянки не стоит.

– Отведай, – сказала королева и велела принести бутылку с богатырской водой и ковш золотой.

Голь налил ковш, выпил, сила в нём прибывала, а королева знать желала, какова вода.

– Ещё вкуса не доберусь, – сказал Голь; налил другой ковш, и разом он выпил ещё три ковша.

– Полно, полно! – закричала королева. – Ты и мне воды не оставишь.

– Славная водица! – молвил Голь, расходясь, руками размахивая.
– Какова-то теперь сила моя?

Тут велел он принести большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлю, из конюшни королевниной вывести коня богатырского. Сел на него, разъехался, вскочил в петлю головою и порвал канат.

□ С той поры Голь богатырствовал, приосанился, на королеве женился; от неё у него были две дочери: Смета да Удача. Голь на них глядя, величался, и никто не сомневался, чтобы он не одолел тридцать трёх богатырей одним разом.

☒ ☒ ☒ ☒ ☒ (Голосов: 4. Рейтинг: 4,75 из 5)

☒ Загрузка...

Русские народные сказки. А.

Н. Афанасьев. Рассказ о мертвце

Ехал мужик по полю мимо кладбища, а уж стемнело. Нагоняет его незнакомый в хорошем полушубке и в красной рубашке.

– Остановись! – говорит. – Возьми меня в попутчики.

– Изволь, садись!

Приезжают они в село, подходят к тому, к другому дому; хоть ворота и настежь, а незнакомый говорит: «Заперто!» Вишь, на тех-то воротах были кресты выжжены. Подходит к крайнему дому, ворота на запоре, и замок в полпуда висит; но креста нету – и ворота сами собой отворилися. Вошли в избу; там на лавке сидят двое: старик да молодой парень. Незнакомый взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине – и тотчас полилась из него алая кровь; нацедил полное ведро крови и выпил. То же самое сделал он и с стариком и говорит мужику:

– Уж светает, пойдём-ка теперь ко мне.

В один миг очутились они на кладбище. Упырь обхватил было мужика руками, да на его счастье петухи запели – и мертвец

сгинул. Наутро смотрят: и молодой парень и старик – оба померли; тотчас разыскали могилу, разрыли – а упырь весь в крови лежит! Взяли осиновый кол, да и всадили в него.

(Голосов: 4. Рейтинг: 4,75 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. О Горе-горянине, Даниле-дворянине

Горе-горянин, Данило-дворянин – жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошёл он в новое^[1] царство лучшего места искать. И палася^[2] ему навстречу бабка голубая шапка:

– Куды, – говорит, – Горе-горянин, Данило-дворянин, путь-дорогу держишь?

Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин:

– Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил.

– Что дашь от добра? – говорит ему бабка голубая шапка. – Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли, – говорит, – поить-кормить, при смерти в зыбке качать?

– Буду, – говорит Данило-дворянин, – кормить-поить, при смерти в зыбке качать.

И пошли они вместе, и довела она его до места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

□ Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живёт одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу.

– Эка, Настасья-царевна! Какая ты, – говорит, – хороша-пригожа, а живёшь ты одна!

– Как быть бабушка! – говорит Настасья-царевна. – Уж так привелось; нет никого, так живёшь и одна; что делать?

– Вот, – говорит бабка голубая шапка, – я тебе привела молодца; поглянется ли?

Сейчас в околенку^[3] брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

□ Вот она с ним живёт долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру:

– Зови его в тысяцкие^[4], жену его Оброксу в сватьи; надоть, – говорит, – нам с тобой обвенчаться.

Вот он сейчас обувался-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру

на особицу. Вот он и говорит:

– Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сваты, надоть нам с ней обвенчаться.

У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему:

– Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его такую службу, чтоб ему ввек не сделать.

– А какую же, – говорит, – накину я на него службу?

– А такую, – говорят, – чтобы к утру выстроил церковь.

□Вот он и пошёл домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит:

– Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя, – говорит, – дядюшка князь Владимир царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

– Нет, – говорит Горе-горянин, Данило-дворянин, – и бранным словом не нашёл и питьём царским не обошёл; а енаралы на меня службу накинули.

– А какую, – говорит, – службу?

– А такую службу: приказали к утру церковь изготовить.

– Не твоя печаль, не тебе и качать! – говорит Настасья-царевна. – Молися спасу, ложися спать; утро вечера мудренее.

Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на круто́ красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

– Служки, няньки, верны служанки! Кто дереви́ны вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела.

Вот как словом, так и делом; сейчас церковь готова. Вот она и встаёт утром ранёшенько:

– Ставай; – говорит, – Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться: церковь готова.

□Вот он и ставал утром ранёшенько, умывался, обувался, одевался скорёшенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот он и прибежал туда; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит:

– Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь готова.

Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру:

– За экого чужестранного человека ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь, – говорят, – на его службу такую, чтобы ему ввек не сделать.

Вот он и говорит:

– А какую-такую я на его службу накину? Совсем я никакой не знаю.

– А такую, – говорят, – службу накинь, чтобы к утру, к свету, мост он состроил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздьём прибитые, по краям были бы перилы точёны, головушки позолочены; на каждой головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели.

□Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошёл опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит:

– Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, очень кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка князь Владимир

царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

– Нет, – говорит, – и бранным словом не нашёл и питьём царским не обошёл; а как же мне веселу быть? Великую службу накиннули на меня енаралы.

– Какую же службу накиннули на тебя? – спрашивает его Настасья-царевна.

– А такую, – говорит он, – велели мост к утру, к свету, построить – мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точёны, головушки позолочены; на каждой бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели.

Вот она и говорит:

– Спасу молися и спать ложися: не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее.

Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на круто́красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

– Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырёх сторон; кто мостовины вези, кто теши́, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади.

Вот и сделался такой шум, гром, визгото́к, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, подумал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом состроили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит:

– Ставай, Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов – хоть царю по нём кататься, так не стыдно!

□Вот он ставал ранёшенько, одевался скорёшенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на

все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит:

– Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов – хоть царю кататься по нём, так не стыдно!

Гости енаралы опять говорят:

– За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его службу такую, чтоб ему не сделать и ввек.

– А какую же я накину на его службу?

– А такую, – говорят, – вели ему шубу сшить из сорока сороков чёрных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита.

□ Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошёл опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит:

– Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

– Нет, – говорит, – и царским питьём не обошёл и бранным словом не нашёл, а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы.

– А какую же? – говорит Настасья-царевна.

– А такую, – говорит, – велели сшить шубу из сорока сороков чёрных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита.

Вот она и говорит:

– Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее.

Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно круто́крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

– Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита.

Вот сейчас служки, няньки, верны служанки только тряхнули – шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его.

– Ставай, – говорит, – Горе-горянин, Данило-дворянин, в божью церковь к заутрене! – и подала ему три золотые яичка: первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром.

– А третье береги, – говорит, – чем жить!

□Вот он и приходит в божью церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пускают его:

– Бодёр очень! – говорят.

Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул – народу лежит две улицы; он прошёл наперёд, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала:

– Поди, – говорит, – спроси: что это за человек, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?

Вот енарал пришёл перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился, да и рассмеялся:

– Вот, – говорит, – брюханьё! Не узнали же – службу-то прежде накидывали.

Вот приходит время христосоваться; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по буёву^[5] Гришка фурлатильный^[6], чёрненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он

Горе-горянин, Данило-дворянин третье яичко выхватил, годил^[7] в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

□Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал?

– Первым яичком, – говорит он, – с попом похристосовался, вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, чёрненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца; я шиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал.

– Ну и чёрт с ним! Так ему и надоть! – говорит Настасья-царевна.

Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала – похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру – звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: «Надоть нам с тобой обвенчаться».

□Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу:

– Милости просим, – говорит, – к Настасье-царевне – тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загонишь.

Вот он и сказал:

– Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай, – говорит, – домой, сряжайся да обряжайся.

Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, ни пива варить, ни вина курить – всё готово! Весёлым пирком да и за свадебку; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало; дали мне колпак

– стали в шею толкать, дали мне шлык – я в подворотню и шмыг!

[1] – Иное.

[2] – Попалася (Ред.).

[3] – В околенку – намёком, невзначай (Ред.).

[4] – Почётный начальник свадебной церемонии (Ред.).

[5] – Ограде церковной.

[6] – Фурлатильный – дурашливый (Ред.).

[7] – Метил

(Голосов: 4. Рейтинг: 4,75 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о Силе- царевиче и об Ивашке белой рубашке

Жил-был царь, по имени Хотей; у того царя было три сына. Меньшего звали Сила-царевич. Старшие братья стали проситься у отца поехать-погулять в иные государства, людей посмотреть и себя показать; царь дал им по кораблю и отпустил. И Сила-царевич пришёл к отцу и стал проситься со слезами отпустить и его вместе с братьями. Царь сказал:

– Сын мой возлюбленный, Сила-царевич! Ты ещё млад и к дорожным трудам не обычен; оставайся лучше дома.

Но Сила-царевич так неотступно просился у отца, что царь дал ему корабль и отпустил в дорогу. Сели царевичи на свои корабли, отвалили от берега и поплыли по морю; старший брат впереди, за ним средний, а Сила-царевич позади. Плывёт им навстречу гроб обитый железными обручами; старшие братья пропустили его мимо, а Сила-царевич приказал корабельщикам спустить лодку, перенять тот гроб и взять на корабль. Так и сделано. На другой день поднялся великий ветер, сбил корабль Силы-царевича с пути, занёс его в неизвестную сторону и прибил к берегу. Съехал царевич на тот берег и зарыл гроб в землю; потом наказал корабельщикам дожидать его год, и два, и три, а сам пошёл куда глаза глядят, один-одинёшенек.

Шёл он путём-дорогою целых три дня, никого впереди себя не видывал, а сзади никто его не обганивал; на четвёртый день

слышится ему – бежит за ним кто-то. Оглянулся царевич и видит: нагоняет его человек в белой одежде; нагнал, бросился ему в ноги и начал благодарить за своё избавление.

– За что челом бьёшь? – спрашивает царевич.

– Ох гой еси, молодой юноша Сила-царевич, как мне тебя не благодарить? Ведь я лежал в том гробе, что ты перенял и велел похоронить; если б не ты, я, может статься, вечно бы плавал по морю.

– Да как же ты в гроб попал?

– Я называюсь Ивашка белая рубашка, великий еретик; мать прокляла меня, велела сделать гроб и, положив меня туда, закрыть наглухо крышкой и набить железные обручи, а потом бросила в море. Два года плавал я по морю, никто меня не взял; один ты сжалился. Бью челом за моё избавление и буду тебе верным слугою. Если желаешь жениться, то я знаю прекрасную королевну Трудю.

Сила-царевич сказал:

– Коли та королевна собою хороша, то готов на ней жениться.

□После того пошли они вместе путём-дорогою, и шли близко ли, далеко ли, наконец очутились у того царства, где жила королевна; кругом стояли тычинки, как бы палисадом обнесено, и на всякой тычинке воткнуто по богатырской голове: только одна стояла незанятая. Сила-царевич ужаснулся и спросил, что б это значило?

– Это всё головушки тех богатырей, что сватались за прекрасную королевну Трудю, – сказал Ивашка белая рубашка, – но ты не бойся, ступай смело.

Сила-царевич пошёл во дворец, и как скоро увидел его король – сейчас сам вышел навстречу, принимал его за руки белые, повёл в палаты каменные и стал расспрашивать:

– Ох ты гой еси, добрый молодец! Откуда пришёл ты, из какого государства, которого отца сын и как тебя по имени зовут?

– Я сын царя Хотея, а зовут меня Сила-царевич, и пришёл к тебе свататься за твою дочь, прекрасную королевну.

Король обрадовался такому жениху, собрал князей и бояр и обвенчал Силу-царевича на своей дочери; потом сели все за столы дубовые, за скатерти браные, пили-ели, прохлаждались. Время молодым в камору идти. Ивашка белая рубашка отозвал царевича и сказал ему:

– Слушай, Сила-царевич, как будешь с своею супружницею опочив держать, станет она тебя целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать, а ты с нею ничего не твори – или пропадёшь, и голова твоя на последней тычинке будет торчать! А как наложит она на твою грудь свою руку и сделается тебе тяжело – вскочи с постели и бей её палкою изо всех сил; ведь королевна-то любитя с нечистым духом: каждую ночь прилетает он к ней по воздуху в виде шестиглавого змея и перекидывается человеком. А я буду стоять у дверей на карауле.

□Сила-царевич выслушал эти речи, пошёл с своею прекрасною супружницею в камору и лёг на постелю. Начала его королевна целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать; а Сила-царевич не хочет сотворить обычную любовь с нею. Королевна наложила на него свою руку и так давила, что он насилу опомнился. Вскочил царевич с постели, схватил палку и стал бить королевну, и бил её до тех пор, пока не упала она замертво. Вдруг поднялся вихрь – прилетел шестиглавый змей и хочет пожрать Силу-царевича, а Ивашка белая рубашка взял острый меч и начал с тем змеем сражаться. Бились они ровно три часа; Ивашка срубил у змея две головы – и змей улетел прочь. Поутру послал король проведать зятя, и когда принесли весть, что он жив и здоров, – король весьма возрадовался: это ещё первый избавился от неминуемой смерти. И целый тот день король с зятем веселилися, пили-ели, прохлаждалися. На другую ночь случилось то же; Ивашка белая рубашка срубил змею ещё две головы. На третью

ночь опять царевич бил королеву, а Ивашка сражался с лютым змеем; срубил ему две последние головы и сжёг змеиное туловище вместе с головами, а пепел развеял по чистому полю.

□Прошёл год, и Сила-царевич просится у короля, чтоб отпустил его с родителями повидаться. Король отпустил. Сила-царевич и поехал в путь-дорогу вместе с королевой. На половине пути остановились и разбили палатки. Ивашка белая рубашка набрал костёр и зажёл, выхватил меч и рассёл королеву надвое. Царевич заплакал горькими слезами.

– Не плачь, опять будет жива! – сказал Ивашка.

Как скоро рассёл он королеву – из чрева её поползли всякие гады.

– Видишь, какая нечистота! Всё это злые духи зародились в твоей супружнице, – сказал Ивашка белая рубашка.

Пожёл всех гадов, потом сложил тело королевы и sprysнул живую воду: в ту ж минуту она ожила и сделалась столько же кроткою, сколько прежде была злою.

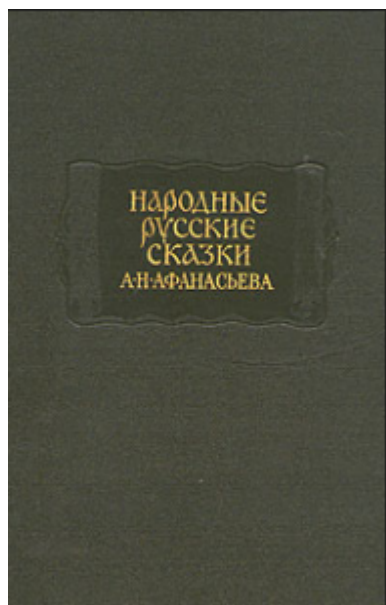
– Ну, теперь прощай, Сила-царевич! Ты меня больше не увидишь, – сказал Ивашка и стал невидим.

А Сила-царевич поехал к морскому берегу, сел на свой корабль и приплыл в своё государство вместе с прекрасною королевой.

☒ ☒ ☒ ☒ ☒ (Голосов: 4. Рейтинг: 4,75 из 5)

☒ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Нужда

Богатый брат выстроил новый дом, задумал сделать влазины^[1] и позвал к себе в гости и бедного брата с женою. «Куда нам, баба, с богатыми знаться!» – говорит бедный жене. «Что ж, давай сходим, нам от этого бесчестья не будет!» – «Да ведь на влазины надо гостинцы несть, а мы что понесем? Разве занять у кого, да кто нам поверит?» – «А Нужа-то! – сказала баба с горькой усмешкою. – Ужли она выдаст? Ведь мы с нею век в ладу живем». Отвечает тут Нужа из-за печки: «Возьмите-ка праздничный сарафан да продайте, на те деньги купите окорок и отнесите брату». Переглянулись мужик с бабою, не знают, что и подумать; посмотрели за печь – не видать никого. «А давно ли ты, Нужа, живешь с нами?» – спросил мужик. «Да с тех самых пор, как ты с братом разделился». – «И привольно тебе со мною?» – «Благодаренье богу, живу помаленьку!» – «Отчего ж мы тебя никогда не видали?» – «А я живу невидимкою». Мужик продал сарафан, купил окорок и явился с женою к богатому брату на влазины. Скоро наехали туда важные гости и мало-помалу вытеснили их совсем из избы. Идет бедный к своему двору и думает: «Понесла же нас нелегкая!» Глядь – стоит поперек

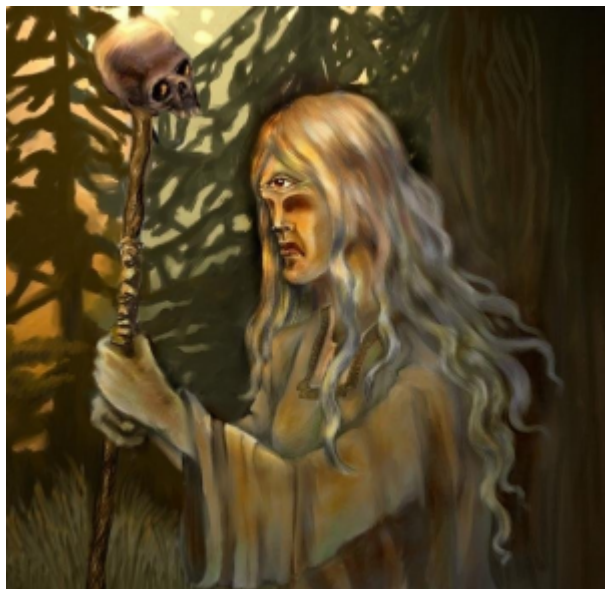
дороги лошадь с двумя большими сумками, через спину накинутыми; ударил мужик ее рукавицею – лошадь вмиг исчезла, и остались на земле две сумки – полнехоньки золотом. Дался бедному брату большой клад; забрал он золото, пришел домой и спрашивает бабу: «Ты где спать ляжешь?» – «Я в печь залезу». – «А ты, Нужа, где уляжешься?» – «В корчаге, что на печи стоит». – «Ну, ладно!» Мужик, выждавши время, опять спрашивает: «Баба, ты спишь?» – «Нет еще!» – «А ты, Нужа, спишь?» – Та и голосу не подает – заснула. Мужик взял последний женин сарафан, завязал корчагу и забросил ее вместе с Нуждою в прорубь. (Окончание такое же, как в сказке о [Гоге](#).)

[1] – Новоселье.

(Голосов: 4. Рейтинг: 4,75 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Лихо

Жил да был человек и не знал, что то есть на свете лихо; слышит – люди часто его поминают, и решился во что бы то ни стало увидеться с ним. Взял сумку на плеча и пошёл. Шёл-шёл, под лесом стоит железный замо́к, кругом частокол из человечесьих костей, черепа воткнуты сверху. Подходит к замо́ку.

– Чего надо?

– Лиха; его ищу!

– Лихо здесь.

Вошёл в горницу, а там лежит громадный и тучный великан; голова на покути, ноги на печке; ложе под ним – людские кости. Это Лихо, а вокруг него сидят Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человечесью голову и потчует, а само Лихо слепое. Взял гость голову да под лавку.

– Что, скушал? – спрашивает Лихо.

– Скушал.

– А где ты, головка-мотовка?

– Под лавкою.

Жаром и холодом обдало гостя.

– Скушай, голубчик, ты сам вкусней для меня будешь.

Он взял голову и спрятал за пазуху. А Лихо:

– Где ты, головка-мотовка?

– Подле желудка.

– Значит, съел, – подумало Лихо. – Ну, теперь твоя очередь.

Гость улучил годину^[1] да бегом. Дверь железная заскрипела; Лихо узнало побег и закричало:

– Двери, держите, уйдёт!

Но он уже был за дверью; только правую руку не уберёг, в дверях оставил, да тут и сказал:

– Оце лыхо!

[1] – Час.

(Голосов: 4. Рейтинг: 4,75 из 5)

Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Сказка об
Иване-богатыре, крестьянском**

сыне

В некоей деревне был крестьянин не весьма богатый, и тот крестьянин жил со своею женою три года, а детища у них не было. На четвёртое лето жена его понесла и родила сына, которого назвали Иваном. Когда Ивану минуло пять лет, а ходить он не мог, потому что был сидень, то отец его и мать стали кручиниться и просили бога, чтоб дал сыну их здоровые ноги; однако сколько они ни молились, а сын их не мог ходить и сидел сиднем тридцать лет и три года.

□В некое же время пошёл крестьянин со своею женою к обедне, и в то же время подошёл под окно их избы нищий и стал у Ивана крестьянского сына просить милостыню. Иван крестьянский сын на то ему сказал:

– Я бы подал милостыню, да встать с места не могу.

Тогда ему нищий молвил:

– Встань и сотвори мне милостыню; ноги твои здоровы и исцелены.

Иван крестьянский сын тотчас встал с места и несказанно обрадовался, что ноги его совсем стали здоровы и невредимы. Он кликнул нищего в избу и накормил. Тогда нищий попросил у него

пива напиться, а Иван тотчас пива принёс; однако нищий пива не пил, а велел ему всю ендову^[1] выпить, и он в том не отрёкся и выпил. Тогда нищий спросил:

– Что, Иванушка, много ли ты теперь в себе силы чувствуешь?

– Много, – отвечал ему Иван.

– Прости же теперь, – молвил нищий и, проговоря сии слова, стал невидим, а Иван остался в великом удивлении.

□Вскоре после того пришёл его отец с матерью и, увидя сына своего здрава всем, весьма удивились и стали его спрашивать, как он исцелился от болезни. Тогда Иван пересказал обо всём ясно, и старики подумали, что приходил к нему не нищий, а некий святой человек исцелил его от скорби, и начали пировать. А Иван пошёл силу испытывать; вышедши в огород, он взял в руки кол, воткнул посредине огорода и повернул его так сильно, что вся деревня с колом повернулась.

□После вошёл он в избу и начал с стариками своими прощаться и просить у них благословения. Старики стали плакать горькими слезами и просили его, чтоб он пожил у них хотя малое время: но Иван, несмотря на их слёзы, сказал:

– Ежели вы меня не отпустите, то я и так от вас уйду.

Тогда старики его благословили. И стал Иван крестьянский сын молиться, на все четыре стороны кланяется, с отцом и с матерью прощается; и сошёл с своего двора, повернул на правую сторону, пошёл куда глаза глядят. И шёл он ровно десять суток и пришёл в некое государство. И лишь только что вошёл в него, то поднялся вдруг крик и гам великий, от чего царь смутился и вельми бысть ужасен и велел клич кликать: ежели кто уймёт тот крик и гам, тому отдаст он дочь свою в супруги и половину своего государства в приданое за нею.

□Иванушка, услыша о том кличе, пошёл на царский двор и, пришедши туда, велел о себе доложить царю, что он хочет унять

тот крик и гам. Привратник, услыша от него те слова, пошёл в царю и сказал ему о слышанном. Царь повелел тотчас призвать пред себя Ивана крестьянского сына; и как он к нему пришёл, то царь ему говорил:

– Друг мой! Правда ли то, чем ты хвалился привратнику?

– Точно, я тем хвалился, – молвил ему Иван крестьянский сын, – и за то ничего больше от тебя не потребую, только отдай мне этот шум и гам.

Тогда царь сказал ему, рассмеявшись:

– Пожалуй, возьми, когда тебе надобно.

Иван крестьянский сын поклонился царю и пошёл от него, пришёл к привратнику и потребовал сто человек рабочих людей; привратник дал ему работников.

□Тогда Иван крестьянский сын привёл их пред царский дом и велел рыть землю. Работники, рывши землю, увидели железную дверь с медным кольцом. И ту дверь Иван крестьянский сын одною рукою отломил и оттуда выбросил и увидел там доброго коня богатырского со всею сбруею и доспехами богатырскими. Конь увидел по себе седока, пал пред ним на колени и промолвил человеческим голосом:

– Ох ты гой еси, добрый молодец, Иван крестьянский сын! Засажен я здесь сильным и храбрым богатырём Лукопёром, и сижу здесь леты несметные, и ждал сюда тебя ровно тридцать лет и три года, и насилу дождался. Садись на меня и поезжай куда тебе надобно; я служить тебе буду верой и правдою, как служил Лукопёру – сильному богатырю.

Тогда Иван крестьянский сын седлает того доброго коня, надевает на него уздечку тесмённую, накладывает седелечко черкасское и подтягивает двенадцать подпруг шёлку шемаханского; садится на доброго коня и бьёт его по крутым бёдрам, и тот конь осержается, от земли подымается выше леса

стоячего, что пониже облака ходячего, доли и горы между ног пускает, великие реки хвостом устилает, из ушей своих выпускает густой дым, а из ноздрей кидает пламя великое.

□И тогда Иван крестьянский сын попал в незнакомую сторонушку, и ехал он ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал в китайское государство; слез с своего доброго коня и пустил его в чистое поле гулять, а сам пошёл в город, купил себе пузырь, и надел на голову, и ходит около царского двора. И спрашивают его, откуда он пришёл, и какого рода человек, и чьего отца и матери сын? А Иван крестьянский сын на все их вопросы отвечал только: «Не знаю». Тогда все почли его дураком и сказали о нем царю китайскому. И царь велел его к себе привести и стал его спрашивать: кто он, и откуда пришёл, и как его зовут? Однако и царю отвечал: «Не знаю». Тогда царь повелел его согнать со двора; но прилучился на ту пору царский садовник и стал просить царя, чтоб того дурака ему отдал для садовой работы, и царь ему в том не отказал. Садовник взял его и повёл в царский сад и стал ему приказывать, чтобы он сад чистил, и, отдавши ему такой приказ, ушёл от него. Иван крестьянский сын лёг под дерево и уснул малое время, а после встал ночью, и начал деревья ломать в саду, и переломал все до единого. Поутру пришёл в сад садовник, испугался крайне и стал Ивана крестьянского сына бранить, и журить, и спрашивать, кто переломал деревья. А он ему отвечал на то только: «Не знаю».

□Садовник боялся о том царю сказать, дабы тем не прогневать его; однако царская дочь усмотрела то из окна своего и подивилась тому немало, спрашивала садовника, кто переломал в саду деревья. Садовник ей на то отвечал, что Незнайко все дорогие деревья исковеркал; просил царевну, чтоб не сказывала отцу своему, и обещался сад развести лучше прежнего в скором времени. На другую ночь Незнайко не спал нимало, а всё носил из колодца воду и поливал те ломаные деревья – и к утру те деревья стали вырастать, и как скоро вошло солнышко, то распустились они и выросли ещё лучше прежнего. Садовник пришёл в сад, подивился тому немало и уже не хотел спрашивать

Незнайку – затем что от него никогда не мог добиться толку. Царевна же, проснувшись и встав от ложа своего, увидела в окно сад свой в наилучшем против прежнего порядке, почему и велела опять призвать садовника и спрашивала его, каким образом сад исправлен в такое малое время. Садовник ей отвечал, что он совсем о том не знает, отчего так скоро исправлен; почему царевна познала великую мудрость в Незнайке и с тех пор стала его любить паче самой себя и посылала ему ествы всегда с своего стола.

□У царя китайского было три дщери, прекрасные собою: бо́льшая называлась Дуазою, средняя Сиасою, а меньшая, которая полюбила Ивана крестьянского сына, называлась Лаотою. Царь призвал тогда всех дочерей и говорил им:

– Вселюбезнейшие мои дщери, прекрасные царевны! Уже пришло время вам сочетаться брачным союзом, и для того я вас велел призвать пред себя, дабы о том сказать вам. И вы избирайте себе в женихи царевичей или королевичей, кто вам по мысли.

Две большие выбрали себе по жениху царевичей, а меньшая стала просить своего родителя со слезами, чтобы отдал её замуж за Незнайку. Царь изумился, услыша о том от своей дочери, и сказал:

– Никак ты, дочь, в уме помешалась, что хочешь выйти за Незнайку-дурака, который и говорить-то не умеет!

– Пусть он дурак, – отвечала она ему, – однако я прошу вас, государя моего родителя, чтобы выдать меня за него.

– Если так хочешь, – сказал ей царь с великим огорчением, – то, пожалуй, ступай за него замуж.

□Вскоре повелено было от царя послать к тем царевичам, коих две царевны выбрали себе в женихи, указы, дабы приехали они в Китай для сочетания с его дочерьми браком. Как скоро получили они те указы, тотчас с великою поспешностью прибыли в Китай; а по прибытии туда и сочетались браком с царевнами; также и

царевна Лаота с Иваном крестьянским сыном. Большие её сестры смеялись, что меньшая сестра выбрала себе мужа дурака.

□ По некоем времени подступила под Китай-град сила великая, и требовал Полкан от царя любезную его дочь, прекрасную Лаоту, себе в замужество с великими угрозами и с наказом: ежели не отдаст дочь свою ему в супруги, то государство его огнём пожжёт, а войско мечом посечёт, а царя и с царицею засадит в темницу, а дочь их возьмёт неволею. Царь, услыша такие угрозы от Полкана-богатыря, весьма испугался и велел собрать всё своё войско. И как оное было собрано, то и вышло против Полкана-богатыря под начальством царевичей, и начали два войска сражаться, как две тучи грозные, и Полкан-богатырь побивал войско китайское. В то время пришла царевна к своему мужу Ивану крестьянскому сыну и говорила ему:

– Вселюбезнейший мой друг Незнаюшка! Ведь меня хотят у тебя отнять; подступил под наше государство неверный Полкан-богатырь и уже побивает наше войско грозным мечом своим.

□ Иван крестьянский сын велел царевне оставить его в покое, а сам выскочил в окно, и пришёл в чистое поле, и крикнул своим богатырским голосом:

– Гей ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит – земля дрожит, из ушей дым столбом, из ноздрей пламя пышет. Иван крестьянский сын влез в ушко, наелся, напился, нарядился и в другое ушко вылез: стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и, севши на своего коня, поехал на рать Полкана-богатыря, стал его войско рубить и прогнал его от своего государства. Тогда царь китайский подъехал к Ивану крестьянскому сыну и, не узнав его, стал просить его к себе во дворец. А он ему отвечал:

– Я не твой слуга и не тебе служу! – и, проговоря сии слова, уехал от него и пустил своего коня в чистое поле, а сам пошёл

к царскому дому, влез в окно и лёг спать, надевши на голову пузырь. Царь от той великия радости сотворил пир великий на несколько дней.

□ Опять подступил под его царство Полкан-богатырь и просил дочь его себе в супруги с прежнею угрозою. Царь тотчас велел собрать своё войско и послал против Полкана сражаться. И Полкан опять стал побивать китайское войско. В то самое время Лаота опять пришла к крестьянскому сыну и говорила, что Полкан хочет у него отнять её себе в жёны. Тогда Иван крестьянский сын паки^[2] выслал её от себя, а сам выскочил в окно и, пришедши в чистое поле, кликнул своего коня. Сел на коня, поскакал на войско Полканово, и начал его рубить, и вскоре прогнал от своего государства. Царь опять подъехал к Ивану крестьянскому сыну и стал его просить во дворец; однако он не поехал, а поскакал от него прочь, отпустил своего коня и пошёл спать. Царь паки стал торжествовать победу свою над Полканом, хотя и не знал, какой был то кавалер, который вступался за его государство и побивал Полканово войско.

□ По некоем времени подступил Полкан в третий раз под его государство и просил Лаоту-царевну себе в жёны с пущами угрозами. Тогда царь велел собрать своё войско и послать против Полкана, и как сразилися обе рати весьма крепко – начал Полкан побивать силу китайскую. В то самое время приходит царевна к своему мужу и со слезами говорит, что Полкан хочет её у него отнять. Иван крестьянский сын, удалясь с поспешностью, выскочил из окна и прибежал в чистое поле; кликнул своего коня, сел на него и поскакал на рать Полканову. Тогда конь проговорил человеческим голосом:

– Ох ты гой еси, Иван крестьянский сын! Теперь-то пришла и мне и тебе служба великая; обороняйся от Полкана и стой против него крепко, а не то – так ты и всё войско китайское погибнет.

Иван крестьянский сын разъяряет своего доброго коня, и въезжает в рать-силу великую Полканову, и начал то войско рубить.

□Полкан, увидя, что силы его уже много побито, осержается и нападает на Ивана крестьянского сына, словно лютый лев. И сразились два сильных богатыря, и всё войско им подивилося; они бились долгое время, и ранил Полкан Ивана крестьянского сына в левую руку. Тогда Иван на Полкана осержается и направляет острое копье – прободал ему сердце, а после срубил ему голову и всё войско Полканово прогнал от Китая прочь. Тогда подъехал он к царю китайскому, и царь стал ему кланяться до лица земли и просил его к себе во дворец, Лаота-царевна увидела у него кровь на руке, обвязала рану своим платком и начала его просить в царский дом. Однако Иван крестьянский сын не послушался, ускакал от них и отпустил своего доброго коня, а сам пошёл – лёг спать. Тогда царь повелел великий пир сотворити.

□В то самое время царевна пришла к своему мужу по приказу своего отца и стала его будить, однако разбудить не могла; и увидела царевна у него на главе золотые волосы и подивилась тому; а после увидела свой плат, которым завязала его руку: тогда узнала она, что это он трикраты победил Полкана и напоследок умертвил его. Тотчас побежала к отцу и привела его к своему мужу, сказав:

– Вот, государь батюшка, вы мне говорили, что я вышла за дурака; поглядите пристальнее на него, осмотрите его волосы и ту рану, что получил от Полкана.

Царь узнал тогда, кто защищал его государство от Полкана, и пришёл от того в великую радость. Как скоро Иван крестьянский сын проснулся, то царь принял его за белые руки, повёл в свои чертоги и благодарил за защиту от Полканова нападения; а как царь уже был в престарелых летах, то и возложил венец свой на главу Ивана крестьянского сына. Иван принял престол, начал управлять Китаем и стал жить со своею супругою весьма любовно и мирно – и скончали век свой благополучно.

[1] – Ендова – чаша (Ред.).

[2] – Снова, опять (Ред.).

(Голосов: **4**. Рейтинг: **4,75** из 5)

Загрузка...